

Комплексный анализ экономического развития, проведенный в предыдущих главах, убеждает в том, что в XXI в. Центральная Азия вступила в ситуации нарастающей неопределенности. Причем усиление неопределенности связано как с внутренними, так и внешними факторами.

С одной стороны, идеология экономического и государственного строительства, которой правящие группы центральноазиатских стран придерживались после распада СССР, становится все более неадекватной новым быстро меняющимся условиям развития. Продолжающееся падение уровня жизни и ухудшение социальной ситуации, провалы в экономической политике все труднее списывать на тяжелое наследие "колониального" советского прошлого. Идея утверждения национального суверенитета любой ценой утратила свою мобилизующую роль даже в элитных группах, не говоря уже о подавляющей массе обнищавшего населения.

К тому же резко обострились конфликты внутри правящих групп. Волна первичной приватизации ограниченных эффективных экономических активов завершилась. Теперь новым носителям политической власти и одновременно собственникам, а в основном это представители старой советской номенклатуры, плавно трансформировавшиеся в номенклатуру национальную, приходится отбивать атаки тех сил, как правило, из той же самой советской номенклатуры, которые считают себя обойденными либо обделенными в ходе первичной приватизации и распределения политических постов.

Резко изменилась и внешняя среда развития. Падение мировых цен на сырьевые товары и металлы в 1998-1999 гг. серьезно подорвало экономическое положение центральноазиатских стран, которые втянулись в международное разделение труда в качестве экспортеров нефти, газа, цветных, черных и благородных металлов, а также хлопкового волокна. Несмотря на существенный рост мировых цен на основ-

ные предметы экспорта Центральной Азии в 1999-2000 гг., первоначальные иллюзии относительно легкого включения в международное разделение труда в качестве поставщиков углеводородов сильно поблекли.

Серьезные изменения произошли и в отношении лидеров мирового сообщества к постсоветским государствам. Если в первые годы после распада СССР развитые страны весьма благожелательно помогали новым государствам Центральной Азии укреплять независимость и закладывать основы самостоятельного развития, зачастую не обращая внимания на результаты проводимой в этих государствах политики, то ближе к концу 90-х гг. внешние доноры и спонсоры не могли не стать более взыскательными. Этому способствует начавшийся после глобальных финансовых кризисов 1997-1998 гг. кардинальный пересмотр развитыми мировыми центрами подходов к сотрудничеству с развивающимися, в том числе новыми независимыми, государствами. На смену подходов мирового сообщества повлияло также и то, что масштабная относительно размеров местных экономик внешняя помощь и кредиты не вывели постсоветские страны в режим устойчивого самоподдерживающегося роста, а были буквальным образом разворованы и проедены.

Принципиально важно и то, что в регионе в полный голос заявила о себе внесистемная политическая сила в лице устойчивых вооруженных группировок. Спекулируя на ужасающей нищете подавляющей массы населения, эта сила выступила с альтернативной идеей государственного строительства под лозунгом ислама. До самого последнего времени эти притязания можно было игнорировать. Однако инфильтрация вооруженного противостояния с территории Таджикистана и Афганистана в Кыргызстан, а затем и Узбекистан заставляет относиться к заявленной альтернативе более серьезно.

При заметном усложнении внутренних и внешних условий развития полезно оценить среднесрочные экономические перспективы центральноазиатских экономик.

7.1. Экономический портрет Центральной Азии в 2015 г.

Надежным ориентиром для определения среднесрочных перспектив всех государств Центральной Азии могут послужить прогнозы численности населения. Демографическая система любого общества отличается достаточной инерционностью, и потому воспроизводство населения слабо подвержено воздействию внешних по отношению к этой системе факторов. В Центральной Азии это общее правило хорошо подтверждается опытом Таджикистана. Катастрофическое сокращение экономической активности, массовая вовлеченность населения в военные конфликты и масштабная миграция из и внутри страны лишь незначительно сказались на репродуктивном поведении. Таджикистан сохранил самые высокие в регионе и одни из самых высоких в мире темпы демографического роста.

В табл. 1 представлены прогнозные среднегодовые темпы роста населения на период 2001-2015 гг., полученные нами на базе расчетов экспертов Мирового банка. Показатели по Туркменистану были скорректированы с учетом выкладок, подробно описанных в гл. 2.

Таблица 1

Варианты демографического и экономического роста в 2001-2015 гг., %

	Темпы роста в 2001-2015гг			Темпы роста ВВП в 1996-2000 гг
	Населения	ВВП		
		Сценарий I: темпы роста, необходимые для поддержания среднедушевого ВВП на уровне 2000 г	Сценарий II: темпы роста, необходимые для восстановления среднедушевого ВВП на уровне 1990 г	
Казахстан	0,75	0,75	2,50	2,5
Кыргызстан	0,90	0,90	4,55	5,55
Таджикистан	1,70	1,70	8,05	2,8
Туркменистан	1,00	1,00	6,05	-0,7
Узбекистан	1,45	1,45	2,95	3,9

Составлено и подсчитано по: World Development Indicators. 1999. P. 42-44, а также источникам к табл. 1 гл. 3.

Стоит сказать, что доступные нам национальные прогнозы динамики населения по Казахстану и Кыргызстану не во всем совпада-

ют с теми, что представлены в таблице. Если казахские демографы, как и эксперты Мирового банка, полагают, что среднегодовые темпы прироста населения Казахстана в рассматриваемый период составят 0,75%', то, по прогнозам кыргызских специалистов, население Кыргызстана в этот период будет увеличиваться среднегодовым темпом в 1,7%². На более высокие темпы демографического роста во всех пяти республиках ориентировался и Госкомстат бывшего СССР. Согласно его прогнозу, выполненному во второй половине 80-х гг., темпы роста населения в 2001 -2015 гг. должны были составить 1,35% в Казахстане, 1,9% - Кыргызстане, 2,35% - Таджикистане, 1,75% - Туркменистане и 2,15% - в Узбекистане³. Экономический и социальный шок 90-х гг. не мог, конечно, не отразиться на демографической динамике в постсоветских государствах, однако оценки Мирового банка все-таки представляются немного заниженными, что особенно справедливо в отношении Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана.

Наряду с прогнозными темпами роста населения в табл. 1 представлены два гипотетических сценария экономического развития стран региона. В сценарии I предполагается, что темпы роста валового внутреннего продукта будут соответствовать темпам роста населения, что позволит центральноазиатским странам поддержать уровни среднедушевого ВВП, зафиксированные на конец 90-х гг. Иначе говоря, в этом сценарии заложены минимальные темпы экономического развития, которые позволяют избежать дальнейшего ухудшения социально-экономического положения в регионе. Они не обеспечат экономический и социальный прогресс, а лишь заморозят нынешнее полуобморочное состояние центральноазиатских экономик на очень низком уровне развития.

В сценарий II заложены темпы роста, которых каждой из рассматриваемых стран необходимо достичь для того, чтобы к 2015 г. восстановить уровень среднедушевого ВВП, зафиксированный в начале 90-х гг. Казахстан может достичь этой цели при среднегодовом росте ВВП в 2,5%, Кыргызстан - 4,55%, Туркменистан - 6,05%, Узбекистан - 2,95%, а Таджикистану необходимо преодолеть планку в 8%.

В 1996-2000 гг. лишь Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан продемонстрировали потенциал для практической реализации сценария II. В Казахстане валовой внутренний продукт рос как раз среднегодовым темпом в 2,5%, в Кыргызстане - в 5,55%, а Узбекистан демонстрировал темп на уровне 4% в год. Однако возможности этих трех стран

поддерживать аналогичные темпы роста на протяжении ближайших пятнадцати лет неодинаковы.

С наименьшими трудностями в этом вопросе столкнется Казахстан, который определенно может рассчитывать на восстановление уровня развития 1990 г. благодаря существенному увеличению добычи и экспорта нефти. В пользу высокой вероятности реализации сценария II в этой стране говорит достаточно быстрое продвижение проекта Каспийского трубопроводного консорциума, который предполагает начать экспорт нефти уже в 2001 г.

На первом этапе пропускная способность сооружаемого консорциумом нефтепровода составит 28 млн. тонн сырой нефти в год. Казахстанскому правительству принадлежит 19% акций консорциума, еще 1,75% акций контролирует национальная нефтяная компания Казахойл⁴. Участники консорциума, среди которых - Chevron (США), Mobil (США), Orix (США), British Gas (Великобритания), Shell (США), "ЛУ-Койл" (Россия), "Роснефть" (Россия), Agip (Италия), еще не определили чья нефть и по какому графику будет прокачиваться по трубопроводу. Однако, уже на первом этапе его эксплуатации Казахстан может, по-видимому, рассчитывать на квоту как минимум в 5-6 млн тонн. К тому же дополнительный доход Казахстан будет получать за транспортировку нефти по своей территории. В дальнейшем после 2010 г. мощность нефтепровода планируют довести до 67 млн тонн сырой нефти в год⁵, что даст Казахстану дополнительные экспортные возможности.

В то же время Казахстану, в принципе, по силам выйти и на более высокие долговременные темпы роста. В периоды бурного роста мировых цен на нефть и опережающего роста нефтедобычи крупные продуценты нефти добивались выдающихся экономических успехов. Саудовская Аравия, например, в 1970-1980 гг. развивалась среднегодовым темпом в 10%. Правда, уже в 1980-1992 гг. темпы роста ВВП в этой стране упали до 0,4%⁶. По-видимому, верхней планкой для казахской экономики станут среднегодовые темпы роста в 4-5%. Причем при сохраняющейся неустойчивости на мировом нефтяном рынке для достижения этой планки стране придется продемонстрировать экстраординарные усилия.

На первый взгляд, если отталкиваться от динамики роста 1996-2000 гг., Узбекистан также не столкнется с особыми трудностями при реализации сценария II. Даже если эксперты Мирового банка несколь-

ко занизили темпы демографического роста, реализовать сценарий II позволят темпы роста ВВП в 3,5-4%. Другое дело, что в послевоенной экономической истории отсутствуют примеры неэспорториентированных географически запертых небольших экономик, которые были способны непрерывно поддерживать среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта на уровне 4% на протяжении двадцатилетнего периода. Нет оснований ожидать, что это удастся Узбекистану, экспорт которого стагнирует всю вторую половину 90-х гг., а размеры внутреннего рынка более чем скромны.

Если абстрагироваться от социально-политических ограничений, серьезными препятствиями на пути роста узбекской экономики могут стать следующие факторы. Во-первых, возможный дефицит энергетических ресурсов. Несмотря на массивное использование зарубежных займов и кредитов, добыча нефти в Узбекистане в 1995-1998 гг. застопорилась на уровне 7,6-8,1 млн тонн в год⁷. Причем, уже в 1998г. Узбекистан оказался не в состоянии выполнить план по увеличению добычи нефти, отстав от установленных плановых заданий на 0,7 млн тонн или почти на 10%. В 2000 г. добыча нефти сократилась до 7,5 млн тонн. Во-вторых, физическая ограниченность таких важнейших производственных факторов, как пахотные угодья и вода. В-третьих, эвентуально развивающиеся негативные процессы в сфере занятости.

Практически нет шансов на реализацию сценария II у Кыргызстана. Самые высокие в регионе темпы роста ВВП в этой стране во второй половине 90-х гг. не должны вводить в заблуждение. Они - результат всплеска 1996-1997 гг., который, в свою очередь, объясняется очень низким исходным уровнем производства (из-за особенно глубокого сокращения экономической активности в первой половине 90-х годов), а также более чем десятикратного роста производства золота на месторождении Кумтор. Поддерживать столь интенсивную экономическую динамику длительное время этой стране, по-видимому, не удастся. В 1998-2000 гг. темпы роста ВВП сократились здесь до всего 3,5%. Эти высокие для экономики, отличающейся удручающим набором факторов производства и острейшей внешней несбалансированностью, темпы почти в два раза ниже тех, которые необходимы для восстановления среднедушевого ВВП на уровне 1990 г. На наш взгляд, можно уверенно утверждать, что к 2015 г. Кыргызстану ни при каких

условиях не суждено выбраться на уровень развития, достигнутый им на закате существования СССР.

Еще меньше шансов достичь этой цели у Таджикистана. Для восстановления уровня развития начала 90-х гг. ему на протяжении пятнадцати лет необходимо ежегодно увеличивать ВВП более чем на 8%.

В Туркменистане в 1996-2000 гг. валовой внутренний продукт ежегодно сокращался на 0,7%. Однако в случае выхода на эффективные экспортные рынки со своим природным газом, этой самой малонаселенной центральноазиатской стране вполне по силам реализовать сценарий II.

В то же время вероятность такого хода событий проблематична. С начала 90-х едва ли не каждый год Туркменистан объявляет о планах строительства грандиозных экспортных газопроводов. И всякий раз очередной план проваливается, прежде всего в силу финансово-экономических причин. Надежно оценить возможность практического осуществления многочисленных проектов по разработке туркменского газа не представляется возможным.

Демографический прогноз позволяет также предметно судить о перспективных изменениях на рынке труда. В 90-е г. ни одно постсоветское государство, включая центральноазиатские, не проводило какой-либо осмысленной политики в области занятости. В лучшем случае отдельные не скоординированные решения, касающиеся этой сферы, принимались спонтанно и были реакцией на эвентуальное развитие событий.

В табл. 2 представлены два сценария увеличения занятости в центральноазиатских странах до 2015 г. В первом сценарии предполагается, что в середине второго десятилетия XXI в. отношение занятости к совокупному населению останется в каждой стране таким же, каким оно было в среднем в 1996-2000 гг. Необходимые вспомогательные расчеты представлены в табл. 3 Приложения к разд. I. Второй сценарий исходит из того, что отношение занятости к совокупному населению во всех странах региона составит 30%.

Известно, что в советское время официальная государственная идеология предусматривала практически поголовную занятость всего работоспособного населения, поэтому удельный вес занятых в совокупном населении в бывших советских республиках был существенно выше, чем в рыночных экономиках. Следовательно, с экономической

точки зрения, все транзитные государства, в принципе, располагают серьезными резервами для сокращения абсолютной и относительной занятости за счет массового высвобождения из производства женщин, пенсионеров и т. п.

Таблица 2.

Возможные сценарии увеличения занятости, млн. чел.

	Прирост занятости		Прирост занятости в 1990-2000
	сценарий I	сценарий II	
	2001-2015	2001-2015	
Казахстан	-0,67	-2,58	-1,403
Кыргызстан	0,25	0,07	-0,019
Таджикистан	0,67	0,79	-0,320
Туркменистан	0,13	-0,34	0,360
Узбекистан	3,26	1,33	1,042

Подсчитано по: Statistical Handbook. 1996. States of the Former USSR. P. 197,231,413,441, 503, а также источникам к табл. 1.

Грубые оценки показывают, что давление занятости на экономический рост в центральноазиатских странах будет разным. В обоих сценариях с наименьшими проблемами столкнется Казахстан, абсолютная занятость здесь будет продолжать сокращаться.

Достаточно ненапряженная ситуация прогнозируется и в Туркменистане. В 2001-2015 гг. занятость здесь, по первому варианту увеличится на 130 тыс., а по второму - уменьшится на 340 тыс. Иначе говоря, Туркменистану ежегодно необходимо создавать менее 10 тыс. новых рабочих мест. Притом, что в 1990-2000 гг. занятость здесь в среднем увеличивалась на 36 тыс. в год, туркменская экономика вполне способна справиться с этой задачей.

Более серьезные проблемы, если события будут развиваться по первому варианту, ожидают Кыргызстан, где занятость за пятнадцать лет увеличится на 250 тыс. чел. Ежегодно здесь будет необходимо трудоустроить около 16 тыс. чел. И это притом, что в 1990-2000 гг. абсолютные размеры занятости в этой стране сократились, хотя и незначительно.

С практически неразрешимыми проблемами столкнутся Таджикистан и особенно Узбекистан. Первому необходимо создать рабо-

чие места для 0,67-0,79 млн, второму - для 1,33-3,26 млн чел. При этом в Таджикистане в 1990-2000 гг. занятость сократилась более чем на 700 тыс. чел. Напомним, что расчет сценариев увеличения занятости опирается на, по-видимому, заниженные демографические прогнозы Мирового банка. В действительности Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан столкнутся с более тяжелой ситуацией на рынке труда, чем это следует из вариантов, представленных в табл. 2⁸.

Важно также отметить, что во всех пяти странах экономика и без того перегружена избыточной рабочей силой. В гл. 4 приводятся оценки, показывающие, что в 2000 г. Казахстан без каких-либо потерь мог бы высвободить 15% занятых в народном хозяйстве, Кыргызстан - 35%, а Узбекистан - 3%⁹. Столь же массовый характер избыточная неэффективная занятость носит в Таджикистане и Туркменистане.

Помимо численности населения еще одним экономическим параметром, который можно уверенно прогнозировать на среднесрочную перспективу, является размер пахотных угодий. За годы советской власти все центральноазиатские страны, расположенные в зоне засушливого климата, приложили колоссальные усилия для введения в оборот новых земельных площадей. Причем сделано это преимущественно за ресурсов других республик. С учетом водных, финансовых и прочих ограничений государствам региона в ближайшие десятилетия в лучшем случае удастся поддерживать в сносом состоянии те пахотные земли, которые были отвоеваны у природы за годы предшествующего развития. Для Казахстана нереалистичен даже такой сценарий. В 1991-2000 гг. страна уже потеряла более половины пахотных угодий, и этот процесс еще не завершен (см. табл. 4 ниже).

С учетом демографических прогнозов мы оценили наделенность центральноазиатских стран пахотными угодьями на 2015 г. в расчете на душу населения (см. табл. 3). Наиболее интенсивное давление на землю будет наблюдаться в Таджикистане. В середине второго десятилетия XXI в. по наделенности пашней эта страна выйдет на уровень Китая середины 90-х гг. века предыдущего. Узбекистан же выйдет на параметры Таджикистана второй половины 90-х гг. XX в. Относительно легче в этом отношении будут чувствовать себя Кыргызстан и Туркменистан, хотя в первом случае давление на землю также усилится. Казахстану же, в силу огромности его территории и относительно

скромной численности населения, относительный дефицит пахотных угодий не угрожает даже при наихудшем развитии событий.

Прогнозные оценки базовых экономических характеристик центральноазиатских государств подводят к следующим суммирующим выводам. Во-первых, если исключить сценарий лихорадочного нефтяного бума в Казахстане и менее вероятного газового бума в Туркменистане, всем пяти странам придется приложить немалые усилия для того, чтобы восстановить тот уровень развития, который был достигнут ими к моменту распада СССР. Больше шансов справиться с этой задачей имеют Казахстан, Узбекистан и, в случае нахождения вариантов экспорта природного газа на эффективные рынки, Туркменистан. Кыргызстан и Таджикистан не смогут восстановить уровень развития, достигнутый в на излете существования СССР, даже при самом благоприятном развитии событий.

Во-вторых, условия экономического, а значит и социально-политического, развития в регионе в ближайшие десятилетия серьезно осложнятся. Местные экономики, речь главным образом идет о Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, явно не справляются с давлением демографического пресса. Избыточная занятость в центральноазиатских странах достигла огромных масштабов уже к концу 80-х гг. XX в. В 90-е гг. ситуация с занятостью дополнительно обострилась. Абсорбционные возможности перегруженных избыточной рабочей силой сельского хозяйства и сферы городских услуг не беспредельны. Вплоть до настоящего времени ни Узбекистан, ни Кыргызстан, ни тем более Таджикистан не продемонстрировали какого-либо осмысленного подхода к решению проблемы занятости. Во многом это объясняется скудостью ресурсов, которыми располагают национальные правительства этих стран. Не прибавится у них ресурсов для этого и в обозримом будущем.

В-третьих, высокие темпы роста населения и занятости накладываются на дефицит пахотных земель. Известно, что одной из основных причин кровавых столкновений в Таджикистане в 1991-1994 гг. была острейшая конкуренция за землю как основной фактор производства. К 2015 г. по наделенности пашней на душу населения Узбекистан выйдет на таджикский уровень середины 90-х гг. Соответственно и в этой стране резко возрастает вероятность нестабильности, в основе которой лежит обостряющаяся конкуренция за землю. Столь

же быстро нарастает относительный дефицит земли в южных районах Кыргызстана. Указывая на учащение случаев межнациональных конфликтов в Ошской обл., один из депутатов кыргызского парламента подчеркивает, что в их основе лежит быстрый рост населения, которое борется за скудные земельные ресурсы в мультиэтническом контексте¹⁰. Аналогичная ситуация складывается во всей перенаселенной Ферганской долине.

Таблица 3

Наделенность государств Центральной Азии пахотными землями, га на человека*

	1995	2000	2015
Казахстан**	1,91	1,09	0,98-0,88
Кыргызстан	0,28	0,26	0,23
Таджикистан	0,15	0,11	0,09
Туркменистан	0,31	0,36	0,31
Узбекистан	0,19	0,16	0,13
Алжир	0,29		
Афганистан	0,42		
Китай	0,08		
Марокко	0,33		
Пакистан	0,15		
Тунис	0,34		

* - предполагается, что в 2015 г площадь пашни в центрально-азиатских государствах останется на уровне конца 90-х гг

** - в 1991-2000 гг общая площадь засеваемых земель в Казахстане уменьшилась более чем на половину, поэтому для этой страны расчеты на 2015 г представлены в двух вариантах. В первом варианте полагается, что Казахстану удастся остановить процесс потери пашни, во втором - в предстоящие 15 лет площадь пахотных земель сократится еще на 10% Составлено и подсчитано по: FAO Production Yearbook. 1995. Vol. 49. P. 19,21,23,27-28,30, 65-66, а также источникам к табл. 1 и 4.

В-четвертых, относительный дефицит земли обостряется на фоне сравнительно низкой производительности местных аграрных комплексов. Так, в первой половине 90-х гг. урожайность зерновых в Узбекистане составляла 64%, а Таджикистане - всего 36% от китайского уровня". С тех пор ситуация мало изменилась.

Все эти и многие другие обстоятельства достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в просматриваемой перспективе экономическая структура центральноазиатских стран будет примитивиро-

ваться и деформироваться. Дальнейший дрейф Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, а также следующего за ними Узбекистана в направлении группы наименее развитых стран обусловлен не столько провалами в текущей экономической политике, но фундаментальными факторами, находящимися вне контроля национальных правительств.

Прогнозные оценки показывают, что экономическая нагрузка на сельское хозяйство в Центральной Азии за исключением Казахстана и до некоторой степени Туркменистана будет возрастать. Одно это требует более детально проанализировать ситуацию в аграрном секторе.

7.2. Сельское хозяйство

В дискуссиях по проблематике развития Центральной Азии доминируют нефтегазовые сюжеты. Между тем если исключить Казахстан, то оказывается, что центральноазиатские экономики являются преимущественно аграрными, о чем уже шла речь в гл. 4. В Кыргызстане в 1999 г. удельный вес сельского хозяйства в производстве ВВП достигал 41%, в Узбекистане - 33%, Туркменистане-26%. При этом в Кыргызстане и Узбекистане вклад аграрного сектора в производство добавленной стоимости превышал вклад промышленных отраслей и строительства, причем в первом случае доля сельского хозяйства в ВВП более чем в два раза превосходила аналогичный показатель вторичного сектора.

Еще более выпукло доминирующая роль сельского хозяйства проявляется в структуре занятости. В 2000 г. аграрный сектор обеспечивал занятостью 68% совокупной рабочей силы в Таджикистане, 53% - в Кыргызстане, 48% - Туркменистане (1998 г.), 36% - Узбекистане и 22% - в Казахстане. В Таджикистане, Кыргызстане и Туркменистане сельское хозяйство является основной сферой занятости.

Во всех пяти центральноазиатских странах сельское хозяйство обеспечивает занятостью большее число рабочих рук в сравнении с промышленностью и строительством. В Таджикистане оно дает в 6,5 раза больше рабочих мест, чем вторичный сектор, Кыргызстане - в 4,4 раза, Туркменистане - в 2,7 раза, Узбекистане - в 1,8 раза и даже в Казахстане - в 1,2 раза. Причем если вторичный сектор утрачивает значение в качестве генератора занятости, то роль сельского хозяй-

ства, напротив, усиливается. Иначе говоря, все 90-е гг. (а в некоторых случаях уже и в 80-е) XX в. в Центральной Азии разворачивается процесс реаграризации. Этот феномен имеет сложную природу и находит отражение в росте удельного веса сельского населения (что, правда, не всегда фиксируется национальными статистическими службами), а также растущем вкладе аграрного сектора в поглощение занятости.

Сразу оговорим два принципиальных момента. Во-первых, реаграризация - это объективный процесс переходного периода, когда национальная экономика и общество в целом, избавляясь от тех структурных пропорций, которые существовали в рамках единого советского экономического пространства, приобретают новые структурные параметры. Во-вторых, во многих ныне развитых и успешных развивающихся странах сельское хозяйство выступало и выступает мотором развития. В том смысле, что оно не просто помогает обеспечить ускоренное становление промышленности, но само ведет экономический рост. Достаточно наглядно в этом смысле совсем свежий опыт Вьетнама и Китая. Сельское хозяйство - это не некий второстепенный малозначимый элемент экономической структуры, а важнейший сектор, который при определенных условиях может выступить в роли мотора для всей национальной экономики.

Какие же тенденции преобладают в аграрном секторе центральноазиатских государств? Здесь стоит еще раз подчеркнуть, что и без того низкое качество постсоветской статистики в сфере сельского хозяйства деградировало ниже допустимых пределов. Однако использование всего массива доступного материала и его перекрестная проверка позволяют в большинстве случаев преодолеть неподатливость официальной статистики.

В 90-е гг., особенно в первой половине десятилетия, центральноазиатские страны в буквальном и переносном смысле "проедали" основные производственные фонды, накопленные в аграрном секторе (см. табл. 4). Особенно безрадостная картина складывается в Казахстане. Менее чем за десятилетие страна потеряла 54% посевных площадей. Учитывая низкую эффективность казахского растениеводства, эти потери были во многом изначально predetermined. Однако сокращение угодий идет валом, а не за счет выбраковки худших, наименее продуктивных земель, доставшихся в наследство от советской экономики.

Таблица 4

*Некоторые характеристики аграрного сектора государств
Центральной Азии в 90-е гг. (показатель за 1991 г. принят за 100)*

	Казахстан			Кыргызстан		
	1991	1995	2000	1991	1995	2000
Посевная площадь	100	90	46	100	92	100
Поголовье крупного рогатого скота	100	72	43	100	73	80
Поголовье овец и коз	100	57	29	100	45	40

	Таджикистан			Туркменистан			Узбекистан*		
	1991	1995	1999	1991	1995	2000	1991	1995	1999
Посевная площадь	100	89	78	100	123		100	100	98
Поголовье крупного рогатого скота	100	82	75	100	133		100	102	104
Поголовье овец и коз	100	74	65	100	118		100	92	88

* - некоторые показатели относятся к 1998 г.

Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С 210, 225, 270, 285, 300, Социально-экономическое положение Республики Казахстан Январь-декабрь 2000 С. 37

В животноводстве сокращение поголовья скота идет еще более высокими темпами. Всего за девять лет поголовье крупного рогатого скота сократилось более чем в два, а овец и коз - более чем в три раза.

Почти столь же значительно уменьшилось поголовье овец и коз в Кыргызстане. При этом, однако, Кыргызстан сумел сохранить пахотные угодья, а во второй половине 90-х гг. здесь наблюдается некоторый рост поголовья крупного рогатого скота.

Взятые сами по себе, эти факты не могут быть оценены ни положительно, ни отрицательно. В том же Вьетнаме, например, особенно в первые годы экономических реформ, резко упало поголовье свиней из-за того, что правительство перестало субсидировать поставки зерна для животноводства. Зато либерализация цен и децентрали-

ция внешней торговли сделала выгодным для производителей экспорт зерновых, что потянуло вверх выпуск в этом секторе.

В сельском хозяйстве Казахстана и Кыргызстана особых структурных сдвигов к лучшему не наблюдается. Животноводство, особенно в Казахстане, продолжает разрушаться, столь же быстро разрушается и растениеводство.

Продолжает "проедать" основные производственные фонды в растениеводстве и животноводстве Таджикистан. Показательно, что масштабы потерь в аграрном секторе этой еще не восстановленной из руин хаоса и войны страны едва ли много больше, чем в Кыргызстане. Ранее мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что, несмотря на принципиальные различия в идеологии реформирования и экономической политике, промежуточные макроэкономические итоги рыночного перехода в этих двух странах очень близки. Более детальный сравнительный анализ положения дел в аграрном секторе подтверждает этот вывод.

Узбекистану удалось предотвратить процесс сокращения пашни, а также несколько смягчить разрушительные процессы в животноводстве. Правда, трудно отделаться от впечатления, что с середины 90-х гг. узбекская аграрная статистика стала еще менее надежной, чем ранее. В еще большей степени эти соображения справедливы для Туркменистана, который, если верить официальной статистике, продемонстрировал в аграрном секторе впечатляющие успехи.

"Проедание" скота стало органичным элементом адаптации к новым социально-экономическим условиям подавляющей части населения центральноазиатских стран, лишённого иных способов поддержать свое физическое существование. Однако длительное время подобная "адаптация" продолжаться не может.

В целом в аграрном секторе набирает силу ряд процессов, которые существенно осложняют экономический рост центрально-азиатских государств в среднесрочной и долговременной перспективе. Точнее было бы констатировать, что в регионе продолжают разворачиваться тенденции, развившиеся еще в советское время. Рыночный переход лишь ускорил и предельно обострил эти старые тенденции. Во-первых, абсолютные размеры занятости в сельском хозяйстве продолжают нарастать (см. табл. 5). В Кыргызстане и Туркменистане аграрный сектор остается главным генератором занятости. Даже в Казахстане

после существенного сокращения в 1990-1995 гг. в последующие годы аграрная занятость стабилизировалась.

Во-вторых, в аграрном секторе продолжается падение производительности труда, что прямо сказывается на устойчивости всей конструкции экономического роста. В Кыргызстане и Узбекистане это падение было заметно уже в 80-е гг. В 1990-1995 гг. производительность аграрного труда в Таджикистане обвалилась на 54%, Кыргызстане - на 53%, Казахстане - на 32%, Узбекистане - на 20%.

Во второй половине 90-х годов производительность труда в сельском хозяйстве Кыргызстана и Таджикистана несколько выросла, но осталась на очень низком уровне в сравнении с началом десятилетия. В Казахстане она вернулась на уровень середины, а в Узбекистане - начала 90-х гг.

В-третьих, в 90-е гг. падение производительности труда в аграрном секторе наблюдалось относительно как экономики в целом (исключение составляет лишь Узбекистан), так и особенно вторичного сектора. В Казахстане вторичный сектор по производительности труда превосходит сельское хозяйство почти в четыре, а в Таджикистане - в шесть раз.

В-четвертых, все эти тенденции разворачиваются на фоне отсутствия, за определенным исключением Кыргызстана, сколько-нибудь выраженных институциональных сдвигов в сельском хозяйстве. Ключевой и остро необходимый транзитным государствам институциональный сдвиг в аграрном секторе - развитие фермерского хозяйства. Между тем в Узбекистане в распоряжении фермеров находится лишь 3% сельскохозяйственных угодий, Таджикистане - 7%, Туркменистане - менее 1% (см. табл. 6).

Почему все отмеченные выше тенденции могут быть однозначно квалифицированы как негативные? С первой - выбытие основных производственных фондов в животноводстве на фоне отсутствия положительных параллельных сдвигов в иных сельскохозяйственных отраслях все ясно и без объяснений. Снижение же производительности труда в аграрном секторе при, в лучшем случае, очень медленной институциональной перестройке свидетельствует о серьезных нарушениях "железных закономерностей" развития.

Таблица 5

*Динамика занятости и производительности труда
в аграрном секторе*

	Занятость 1990=100	Выработка на одного занятого 1990=100	Относительная производительность в сельском хозяйстве	
			Вся экономика=1	Промышленность и Строительство=1
Казахстан				
1980	90	99		
1990	100	100	0,63	0,50
1995	82	68	0,60	0,42
1998	79	54	0,44	0,26
2000	77	68	0,50	0,28
Кыргызстан				
1980	80	106		
1990	100	100	1,10	1,00
1995	132	47	0,95	0,81
1998	143	54	0,96	0,49
2000	163	53	0,90	0,44
Таджикистан				
1980				
1990	100	100	0,62	0,36
1995	130	46	0,66	0,24
1998	128	45	0,61	0,22
2000	131	51	0,55	0,17
Узбекистан				
1980	71	131		
1990	100	100	0,76	0,81
1995	110	80	0,80	0,56
1998	109	84	0,78	0,54
1999	102	97	0,85	0,60

Подсчитано по: см. источники к табл. 1 гл. 4, а также табл 1 гл 3.

Эти закономерности, которые определяют перспективы не только самого аграрного сектора, но и устойчивость всей конструкции экономического роста в целом, выведены исследователями из многовекового мирового опыта и императивно предполагают, что успешное экономическое развитие в странах с обширной аграрной сферой возможно лишь при соблюдении следующих условий:

- производительность труда в аграрном секторе должна последовательно повышаться;

- параллельно должна расти доля независимых частных (фермерских) хозяйств в совокупном выпуске сельскохозяйственной продукции;

- устойчивый промышленный рост возможен только в тех странах, где соблюдены первые два условия, причем ключевое значение имеет повышение производительности аграрного труда¹²;

- должны развиваться прямые и обратные связи между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью. Иначе говоря, промышленные отрасли должны постоянно расширять спрос на сельскохозяйственную продукцию, а сельское население и аграрный сектор должны превратиться в важный рынок для выпускаемой в стране промышленной продукции.

Конечно, развитое международное разделение труда серьезно модифицирует "железные закономерности" развития, выведенные из опыта ныне развитых и успешных развивающихся стран. Особенно это касается межотраслевого взаимодействия между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью. Ограниченные размеры внутренних рынков во всех пяти странах исключают саму возможность становления здесь широкого набора промышленных отраслей, обслуживающих сельское хозяйство. Однако в целом, без соблюдения этих условий, адаптированных к императивам развитого международного разделения труда, экономический рост обречен на болезненный срыв с тяжелыми социальными последствиями.

Таблица 6

Экономическая значимость фермерского хозяйства

	Число фермерских хозяйств, тыс.	Население на одно фермерское хозяйство	% сельхозугодий, закрепленных за фермерами
Казахстан (1999)	67,3	221	27
Кыргызстан (1999)	60,1	81	23
Таджикистан (1998)	10,2	598	7
Туркменистан (1997)	1,8	2601	0.9
Узбекистан (1999)	31,1	788	3

Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 205,210,220,225,265,270,280,285,295,300.

В Центральной Азии не соблюдено ни одно из этих императивных условий, поэтому здесь происходит ускоренное накопление потенциала мощного кризиса, который рано или поздно неизбежно заявит о себе выбросом деструктивной социальной энергии. В Российской империи подобный срыв произошел в 1917 г., чему предшествовали несколько десятилетий попыток купировать аграрный кризис и провалившаяся реформа П.А. Столыпина, преследовавшая цель снять социальное напряжение в сельском хозяйстве без проведения его глубокой институциональной перестройки.

Вплоть до последнего времени проводимая в регионе экономическая политика дискриминирует аграрный сектор. Последний превращен в источник ресурсов для неэффективного и тупикового импортозамещения в промышленности, как в Узбекистане, либо используется в интересах торговых посредников, как в Казахстане и Кыргызстане. Удельный вес бюджетных, кредитных и инвестиционных ресурсов, направляемых в аграрный сектор, не соответствует его роли и значимости в экономике этих стран. Вынужденно выступая в роли донора других секторов экономики, само сельское хозяйство ускоренно накапливает потенциал кризиса.

Некоторые слабые признаки разворота внимания правительства к сельскому хозяйству к настоящему моменту наметились лишь в Кыргызстане. 1998 г. объявлен в этой стране годом борьбы с бедностью. Однако практическая реализация программы "антибедность" императивно предполагает переориентацию финансовых и материальных ресурсов в пользу аграрного сектора, к чему ни одно из центральноазиатских государств самостоятельно не готово. К этому местные правительства должны поощрять и подталкивать зарубежные доноры. Тем более, что ресурсы для развития приходят в регион преимущественно из-за рубежа. Если такого разворота не произойдет, в ближайшем будущем Центральную Азию ожидает коллапс современных форм жизни, особенно в сельской местности.

Понимание опасности продолжения политики, способствующей консервации дуальной экономической структуры и нарастанию разрыва между экспортным (глобальным) и неэкспортным (местным, преимущественно аграрным) секторами, нарастает и в самих центральноазиатских государствах и среди крупнейших внешних доноров региона. Одна из трудностей на пути необходимой коррекции экономи-

ческой политики заключается в том, что процесс развития в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане приобрел определенную инерцию, преодолеть которую будет весьма непросто. При этом изменения в макроэкономической политике должны быть точно привязаны к специфике каждой из этих стран.

В свете вышесказанного особенно интересно оценить опыт Узбекистана, где в традиционном советском духе предполагается, что ускоренная индустриализация позволит в перспективе начать решать проблемы и остальных секторов хозяйства. Аграрный сектор остается донором промышленности и городской социальной сферы, а эффективность самого сельского хозяйства снижается. Причем такая ситуация не является благоприобретением независимости, но сохраняется что-то с конца 70-х гг.

На наш взгляд, для раннего периода становления независимого государства в 1990-1994 гг. такой подход к сельскому хозяйству был оправдан. Однако после упрочения независимости он стал контрпродуктивен. Проводимая в этой стране промышленная и инвестиционная политика дискриминирует аграрный сектор, легкую и текстильную промышленность. Если в 1991-1995 гг. доля сельского хозяйства в инвестициях в основной капитал составляла в среднем около 15%, то в 1996-1999 гг. она упала до менее 8%¹³.

Складывается парадоксальная ситуация. Имея сравнительные преимущества для развития тех отраслей промышленности, которые вовлечены в переработку сельскохозяйственного сырья, Узбекистан даже не пытается опереться на эти преимущества. И в конце первого десятилетия независимого развития в стране перерабатывалось всего 15-20% от производимого хлопка-сырца.

Теряя историческое время, Узбекистан затягивает масштабную институциональную реформу в аграрном секторе. Притом что в Центральной Азии только узбеки (и таджики) имеют многовековой опыт работы на земле. Притом, что только в Узбекистане есть объективная база для развития низового капитализма за счет мелкого и среднего предпринимательства, каких-либо серьезных институциональных реформ в аграрной сфере, а также сфере мелкой промышленности здесь не наблюдается. Этот тезис хорошо иллюстрируется данными, включенными в табл. 7.

За 1990-2000 гг. численность фермерских хозяйств выросла всего до 43,8 тыс. При том, что в конце указанного периода фермеры обрабатывали более одной пятой пашни, их вклад в валовой выпуск аграрного сектора составлял всего около 5%¹⁴. Показательно и то, что в 1998 г. число занятых на мелких и средних предприятиях уменьшилось в сравнении с 1995 г. почти наполовину¹⁵. Справедливости ради стоит отметить, что со второй половины 2000 г. Узбекистан начал энергично осуществлять комплекс мер по стимулированию малого и среднего бизнеса. Однако коренной перелом в этой сфере последует не скоро.

Наконец, самая существенная слабость проводимого курса заключается в том, что он не способствует решению проблемы занятости. Сельское хозяйство перегружено избыточной занятостью, причем в последние годы ситуация здесь обострилась до предела. Промышленные же производства, создаваемые с помощью иностранных кредитов и, в меньшей степени, прямых инвестиций, чрезвычайно капиталоемки и предъявляют крайне ограниченный спрос на живой труд. Все идет к тому, что уже в ближайшие годы узбекская экономика попадет в капкан, образованный тяжелейшим демографическим прессом, необходимостью обслуживать внешние долговые обязательства, а также обеспечивать импорт промежуточной продукции и капитальных товаров для бесперебойного функционирования производств, созданных в ходе валютоемкого неэффективного импортзамещения.

Таблица 7

Развитие фермерских хозяйств в Узбекистане

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Число фермерских хозяйств, тыс.	1,16	1,9	5,5	7,5	14,2	18,1	18,8	21,4	23,0	31,1	43,8
Площадь земель, закрепленных за фермерами, га	9,1	13,7	45,1	70,6	193,1	264,6	351,6	413,3	446,5	665,7	889,7
Средний размер хозяйства, га	6,7	7,3	7,6	9,4	13,6	14,6	15,5	19,3	19,4	21,4	203
Доля фермерских земель в общей земельной площади, (%)	0,2	0,3	1,1	1,7	4,7	6,4	8,6	11,2	11,2	16,2	21,7

Составлено и подсчитано по: Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 2000 г. С. 180; Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 300; Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 1996 г С. 135; Статистический бюллетень СНГ. № 11. 1996. С. 106; Народное хозяйство Республики Узбекистан в 1993 г. С. 308, 421, Узбекистан за годы независимости, 1994. С. 4, 13-14.

Самым кричащим индикатором, отражающим падение эффективности аграрного сектора, служит абсолютное и относительное сокращение использования им современной техники. Если в 1992-1993 гг. машинами убиралось около 40% урожая хлопка сырца, то в 1996 г. этот показатель упал до 6%, а 1997 г. - 4%. В основных хлопкопроизводящих областях - Бухарской и Ферганской - в 1997 г. ручным способом был убран весь урожай хлопчатника¹⁶.

Все это говорит о том, что в Узбекистане тупиковая промышленная политика советского типа проводится параллельно прогрессирующей деиндустриализации сельского хозяйства. Конечно, в краткосрочном плане массовое использование дешевого живого труда позволяет сбить остроту проблемы трудоустройства населения. Однако в долговременной перспективе это препятствует становлению и развитию жизнеспособных и эффективных аграрных структур.

Несмотря на далеко не благополучное состояние самого сельского хозяйства, оно продолжает использоваться в качестве "дойной коровы" для других секторов экономики. Достаточно сказать, что в 1996 г. государственные закупочные цены на хлопок были на 26,6% ниже себестоимости его производства. В 1997 г. на каждой тонне проданного государству хлопка производители теряли 22,7% затраченных средств¹⁷. В конечном счете эти убытки покрывались государством, которое регулярно списывает накапливаемую сельскохозяйственными производителями задолженность поставщикам и банковскому сектору. Однако искусственно поддерживаемая "убыточность" свидетельствует об отсутствии глубоких преобразований в аграрной сфере. Производители вынуждены функционировать в рамках спускаемого сверху абстрактного плана, безотносительно к уровням индивидуальных производственных издержек. Говорить о каких-либо долговременных экономических перспективах таких производителей не приходится. Они не могут самостоятельно планировать даже свой собственный производственный процесс, формировать финансовый план, закупать промежуточную продукцию и технику.

Сельское хозяйство, как и все остальные секторы экономики в Узбекистане, встроены в общий государственный план развития, алгоритмы реализации которого мало чем отличаются от своего советского прототипа. Понятно, что и результаты экономического развития в подобном "государстве-фабрике" будут в конечном счете аналогичными.

На что расходуются доходы от экспорта хлопка и металлов? Подавляющая их часть идет на реализацию специфической промышленной политики (подробно см. гл. 6). Меньшая часть их прибыли идет на реструктуризацию самого аграрного сектора.

Центральной задачей аграрной политики в Узбекистане является увеличение производства зерна. Основным ограничителем для наращивания сельскохозяйственного производства в стране выступает дефицит земли и воды. Площадь пашни здесь стабилизировалась с середины 90-х гг. на уровне 4,0-4,1 млн га, а водопотребление на уровне 45-46 млрд куб. м¹⁸. Даже если представить, что каким-то чудом Узбекистану удалось бы преодолеть дефицит водных ресурсов, то оборудование новых ирригационных земель нереалистично ввиду скудости финансовых ресурсов и инвестиций. Более чем трехкратное увеличение площади орошаемых земель в годы советской власти стало возможным исключительно благодаря нерыночной природе советской экономики, которая при решении политических задач абсолютно не считалась с затратами¹⁹.

В условиях независимости обеспечить рост производства зерна можно лишь путем перекройки имеющихся факторов производства. В 1990-1997 гг. посевные площади здесь были частично перераспределены за счет хлопка в пользу зерновых. Площадь под посевы хлопчатника сократилась с 1,83 до 1,54 млн га, а удельный вес хлопкового клина в общей площади посевов понизился с 44% до 37%. Площадь же занятая зерновыми напротив увеличилась на 814 тыс. га, а ее удельный вес в общей обрабатываемой площади вырос с 24% до 44%²⁰.

В результате такой перекройки среднегодовой валовой сбор зерна вырос с 2,05 млн в 1990-1993 гг. до 3,58 млн тонн в 1994-1999 гг. Среднегодовой сбор хлопка за тот же период сократился с 4,52 до 3,61 млн тонн²¹. Каких-либо существенных подвижек в эффективности производства как зерновых, так и хлопка при этом не наблюдалось.

Нарращивая производство зерна, Узбекистан получил возможность одновременно сократить его импорт, ликвидировав тем самым регулярную брешь в торговом и платежном балансах. В то же время из-за параллельного сокращения поступлений от экспорта хлопка конечный баланс плюсов и минусов от перекройки аграрного сектора в пользу зерновых далеко не однозначен. При том, что мало что известно о себестоимости производства зерна в Узбекистане, расче-

ты Эск. Трушина, как и оценки экспертов Мирового банка показывают, что гектар хлопка приносит в 1,2-4,5 раза больше прибавочной стоимости в сравнении с гектаром, занятым под зерновые²².

Реструктуризация аграрного сектора в Узбекистане обусловлена не экономической целесообразностью, а соображениями ложно понимаемой "национальной безопасности", хотя советский опыт показал всю тщетность достижения этой цели без учета рыночных законов.

Капиталоемкий и трудосберегающий характер развития, которым во много вынужденно следуют все центральноазиатские страны, не соответствует их базовым демографическим и экономическим характеристикам. Уже к 1997 г. отчетливо обозначились признаки того, что тот курс, которым эти государства следовали в первые годы независимости, требует кардинальной коррекции. Императивом для ответственной экономической стратегии является нахождение некоего баланса между развитием капиталоемкого и интернационализированного экспортного сектора и поддержкой местных производительных сил с особым упором на всемерное расширение занятости в мелком и среднем бизнесе.

Приоритетом экономической политики, во всяком случае в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и, в значительной мере Туркменистане, должно стать сельское хозяйство и мелкое предпринимательство. Действительные потребности этих стран заключаются в жесткой и максимально эгалитарной (на начальных этапах) аграрной реформе, создании системы микрокредитования мелких и мельчайших производителей, а также организации массовых общественных работ для снижения остроты проблемы бедности и нищеты.

При этом глобальный экспортный и местный экономические секторы не следует рассматривать как взаимоисключающие друг друга образования, а искусство же экономической политики должно заключаться в создании возможностей для параллельного развития обоих секторов. Если такого разворота в экономической политике не произойдет, то в дело вступят стихийные регуляторы. Протестные низовые социальные движения могут разрушить созданные экономические структуры. Параллельно, как бы цинично это ни звучало, в Центральной Азии будет наблюдаться периодический сброс численности населения. Из-за хронического недоедания и эпидемий, а также регуляторных конфликтов всякого рода, население стран региона начнет со-

кращаться до уровня, соответствующего их истончающемуся экономическому потенциалу.

Сокращение продолжительности жизни при сохранении высокого уровня рождаемости закрепит доминирование молодых возрастных групп в населении центральноазиатских государств. Относительное и абсолютное преобладание молодежи, в свою очередь, будет способствовать перманентной нестабильности и создавать предпосылки для радикализации общественной жизни. В 90-е гг. обстановку разрядила миграция нескольких миллионов человек преимущественно в Россию и дальше зарубежье. С затуханием отъезда так называемых некоренных народов исчерпываются и возможности разрядить ситуацию таким образом.

Примечания

¹ Шокоманов Ю. Сколько казахстанцев может быть в 2030 году // Аль-Пари. № 4. 1998. С. 56. Казахские демографы подготовили три варианта прогноза: «высокий», «низкий» и «усредненный». Действительная ситуация развивается по «низкому» варианту.

² Подсчитано по: Абдурехменова А.Б., Кайзер М., Касыбеков Э.Ш. и др. Сокращение бедности в Кыргызской Республике методами политики занятости и социальной защиты. С. 65.

³ О прогнозе численности населения СССР. С. 42.

⁴ Кривякина Е. Россия заработает на транзите каспийской нефти // Финансовая Россия. № 19. 20-26 мая 1999. С. 2.

⁵ Панорама. № 43. 6 ноября 1998. С. 9.

⁶ World Development Report 1994. P. 165.

⁷ См: Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов. С. 56; National Corporation Uzbekneftegaz. P. 50.

⁸ Об этом в частности свидетельствует наш первый вариант расчетов, с которым можно ознакомиться в: Zhukov S. Central Asia: Midterm Economic Prospects. P. 257-259.

⁹ Оценка по Узбекистану, очевидно, существенно занижена, что объясняется неадекватностью исходной статистики.

¹⁰ Cheterian V. Pressure-Cooking in the Ferghana Valley. P. 52.

¹¹ Подсчитано по источникам к табл 3.

¹² См: Waelbroek J., Adelman I. Agricultural Development Led Industrialization in a Global Perspective.

¹³ Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 1999 году Статистический ежегодник. С. 563

¹⁴ Основные показатели социально-экономического развития Республики Узбекистан за 2000 год. С. 177.

¹⁵ Абатуров В., Пугач И., Аношкина В. и др. Малый и средний бизнес в Узбекистане: современное состояние, проблемы и перспективы. С. 4-8.

¹⁶ Каримов И. Развитие сельского хозяйства- источник благосостояния народа // Экономика и статистика. № 2. 1998. С. 8.

¹⁷ См.: Юсупов М. Способы финансового оздоровления сельского хозяйства// Рынок, деньги и кредит. № 7. Июль 1998. С. 21.

¹⁸ Содружество независимых государств в 1997 году. Статистический ежегодник. С 606; Народное хозяйство Республики Узбекистан в 1993году. С. 283.

¹⁹ Подробнее см.: Rumer B., Zhukov S. Economic Integration in Central Asia; Problems and Prospects. P. 131-133, 136; Trushin Esk. Uzbekistan: Problems of Development and Reform in the Agrarian Sector. P. 263.

²⁰ Подсчитано по: Содружество независимых государств в 1997 году. С. 584.

²¹ Подсчитано по: Содружество независимых государств. Статистический ежегодник: 1999. С. 560; 1997. С. 587.

²² Trushin Esk. Uzbekistan... P. 273